

Толковый словарь В. И. Даля и историческая лексикология

И. Величие подвига В. И. Даля, создавшего толковый словарь, высоко оценивали его современники. «То, что он сделал для родного слова, — писал Я. Грот, — останется почетным памятником его деятельности, навсегда сохранит значение в истории русского языка и русской лексикографии».¹

Время подтвердило эту высокую оценку. И в наши дни, несмотря на то что русская лексикография имеет давнюю и богатую традицию, а русский язык стал предметом разностороннего лексикографического описания, Словарь Даля, самый обширный по словнику словарь русского языка, является важным пособием при различного рода исследованиях. Всем понятно, какую ценность представляет словарь для изучения исторической лексикологии русского языка второй половины XIX в. Но этот словарь необходим и при историко-лексикологических исследованиях более ранних периодов развития русского языка второй половины XVIII в. и предпушкинской поры.

Изучению лексики русского языка этого времени немало помогает наличие словарей разного рода: академических, толковых и переводных, словариков и списков областных слов. Но этого оказывается недостаточно. Академические словари русского языка конца XVIII—первой половины XIX в., как известно, фиксируют преимущественно лексику литературного языка. То, что Даль называл «живым великорусским языком», входило в них после строгого отбора. Так, во втором (алфавитном) издании Словаря 1802—1816 содержится 43 257 слов. Из них слова, характерные для народно-разговорной речи и снабженные соответствующими пометами, составляют около 1000. В Словаре 1847 при общем составе слов 114 749 слов с пометами «прост.», «простонач.», «обл.»

¹ Грот Я. Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля. — В кн.: Филологические разыскания Я. Грота. Т. I. СПб., 1885, с. 58.

всего 1700.² Являясь самым полным по словнику законченным словарем русского языка (более 200 000 слов), Словарь Даля представляет собой самое разнообразное собрание лексики русской живой разговорной речи первой половины XIX в. Перечисление основных источников этого словаря в работах, ему посвященных, подтверждает наличие в нем необходимой лексикографической преемственности и указывает то новое, что внес автор. Так, по данным Канкавы,³ совпадающий с другими словарями состав лексики в Словаре Даля равен: со Словарем 1847 — 100 000 слов, с Опытom 1852, Дополнением 1858 к нему и Опытom терминологического словаря Бурнашева — 37 000 слов. Более 70 000 слов были записаны самим Далем в Оренбурге, Петербурге, Нижнем Новгороде и других местах. Даль собирал слова живого языка более 40 лет (первая его запись датируется 1819 г.).

II. Необходимость привлечения материалов Словаря Даля при историко-лексикологических исследованиях в указанных временных границах мотивируется рядом обстоятельств: а) все слова живой разговорной речи, отобранные Далем, относятся непосредственно к предпушкинскому периоду; б) следует иметь в виду и состояние русского языка во времена Даля, о чем так хорошо в свое время сказал В. И. Чернышев: «Русский народный язык Даль захватил в эпоху его н а и б о л ь ш е й с о х р а н н о с т и (разрядка наша, — Г. К.), описал точно и обширно и, таким образом, сохранил для нас многие особенности нашего живого языка, которые теперь утрачены или совсем, или в значительной мере».⁴

Таким образом, при историческом изучении лексики русского языка в указанное время создаются возможности учета близких по времени фиксаций и ретроспективного подхода к собранному по памятникам этой поры материалу — от выявившихся, по данным Словаря Даля, системных линий и явлений к тенденциям, прослеживающимся во второй половине XVIII в.

Очень важен и нужен Словарь Даля при изучении диалектной лексики указанного времени. Диалектные слова входили тогда в памятники различных жанров разными путями: 1) наличие таких слов в памятниках высокого и среднего стиля может быть объяснено тем, что авторы не ощущали их локальной ограниченности;

² Состав такой лексики в САР и в Словаре 1847 не совпадает, так как в последнем сняты пометы «просто же» и «простопар.» примерно с 1200 слов (и оборотов), а в целом ряде случаев, наоборот, слова, данные в САР без пометы, в Словаре 1847 их имеют (см., например: *алтынник*, *горюн*, *грамотник* и др.). Целый ряд их введен в этот словарь впервые (см.: Сергеев И. Т. Просторечная и простонародная лексика в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г. Канд. дис. М., 1967).

³ Канкава. Даль как лексикограф. М., 1953.

⁴ Чернышев В. И. Избр. соч. Ч. I. М., 1970, с. 427.

2) проникновение областных слов, связанных с промыслами, в памятники среднего стиля отражало состояние еще не оформившихся терминологических систем; 3) в жанры низкого стиля они проникали из ненормированной разговорной речи. Авторы в этих случаях обычно следовали за разговорной речью. Отличительная особенность диалектных слов — локальная прикрепленность — была установлена путем длительных и многочисленных наблюдений. Ее общественное осознание относится к концу XVIII в.⁵ Пока мы не располагаем значительными материалами по лексике русских диалектов XVIII в. В этих условиях помощь Словаря Даля неоценима. Используя материалы словаря, мы обращаемся к фиксациям, близким по времени. К тому же «в условиях того времени русские диалекты были более замкнуты и еще хорошо сохраняли старый народный язык».⁶ Историки русского языка нередко сталкиваются с тем обстоятельством, что то или иное слово из памятника второй половины XVIII в., предположительно диалектное, впервые фиксируется в Словаре Даля. В этих случаях очень важно и толкование его значения, и указание локальной приуроченности. Вот, например, что означает слово *колывань*, встреченное нами в комической опере Н. П. Николева «Розана и Любим»? Свойственно ли оно общей разговорной речи второй половины XVIII в. или локально ограничено в употреблении?

[Щедров:] *Дать было ему денег. . . Вот тебе на лапти.*
[Лесник:] *Отец мой! да тут на целую неделю колывань* (с. 84).
См. в Словаре Даля: *Калывань, колывань. . .* (Кал.) пир, празднество (с. 79).

Это слово отсутствует в толковых и переводных словарях XVIII—начала XIX в., нет его в диалектных записях и словариках того времени, в Опыте 1852 и в Дополнении 1858. На основании Словаря Даля можно считать слово *колывань* диалектизмом. См. также некоторые другие слова.

[Свитин] во весь день не переставал сердиться и ворчать; и гнев, и веселье находило на него голомянами (Болотов. Записки). См. у Даля: *Голомями* (Тул.). *Голомянами* (сев. и вост.), *глуменами* порывами, переমেжкою, перемежно, временно, с расстановкой (с. 681).

Хвостом махнувши, вестник черный
Помчался выполнить приказ;
Из всех он парень был моторный
И дрожки заложил как раз.

(Наумов. Похищение Прозерпины).

⁵ Подробней см.: Князькова Г. П. Об областных словах в русском языке XVIII в. — В кн.: Процессы формирования лексики русского литературного языка (от Кантемира до Карамзина). М., 1966, с. 108—145.

⁶ Чернышев В. И. Указ. соч., с. 427.

У Даля: *Моторный*. . . (юж., Тул., Пенз. Волог.) проворный, живой, расторопный (с. 290). См. также слова: *взмилиться, высуслить, гостевать, загулка, комшить, мотора, моторыга, ромода, сполагоря, схопать* и др. Можно предположить, что все эти слова сохраняют на протяжении второй половины XVIII—XIX столетий локальную ограниченность.

Не менее важны показания Словаря Даля в отношении подвижного состава лексики русских диалектов. Для слов, входящих в русский литературный язык из диалектов (таких, как *пурга, торос, трущоба* и др.), а также выходящих из общего употребления и обретающих локальную ограниченность (см.: *кочет* 'петух', *орать* 'пахать', *погода* 'буря, непогодь' и др.), отсутствие данных в Словаре или, наоборот, появление их при словах, ранее общеупотребительных, следует рассматривать как лексикографическую фиксацию завершения соответствующего процесса.

Особо следует сказать об этнографизмах. Эта группа слов объединяет в своем составе как общеупотребительные, так и диалектные слова. Памятники второй половины XVIII в. с ориентацией на разговорную речь содержат значительное количество слов, относящихся к реально-бытовой сфере. Они характерны для источников различных стилей и жанров. Роль таких слов, равно как и особенности их употребления, в них различны. Можно проследить тематическую обусловленность их введения в тексты (см. употребление слов — названий сельских реалий в статьях Болотова в «Сельском жителе» и «Экономическом магазине», появление их в контекстах при описании обстановки в ремарках комедий). В некоторых видах памятников такие слова введены с определенным стилистическим заданием: в травестийной поэме конца XVIII в. с их помощью создается контрастно сниженный фон, на котором действуют боги, герои, нимфы и др. С выходом из широкого обихода самих реалий и слова эти выходят из общего употребления, сохраняясь только в диалектах. Способность диалектных систем удерживать архаическую лексику распространяется и на лексику этнографического характера. Трудно себе представить, как бы мы обходились здесь без мудрой помощи Даля. Ведь словари изучаемого периода довольно скупо фиксируют слова — названия реалий простого быта, определения таких слов очень кратки, а у Даля они вполне достаточны. Приведем некоторые примеры.

Пролазы же из низкой черни
Пошли искать майданов, зерни,
Чтобы кого-нибудь оплесть.

(Осипов. Виргилиева Енейда,
вывернутая наизнанку).

В Словаре Даля: *Зернь*. . . игра в кости или в зерна, которые употребляются в мошеннической игре на деньги, в чет-и-нечет

(с. 681). *Майдан*. . . место на нем (на торгу, базаре, — Г. К.), где собираются мошенники для игры в кости, в зернь, в орлянку, карты (с. 290).

Попшла баталии, и в куче оплеух
С обеих полетел подкапок и треух.

(Плавильщиков. Баталия).

См. у Даля: *Подкапок*. . . шапка с околышем, сходная с монашеской (с. 176). *Треух*. . . теплая шапка с тремя опускающимися лопастями, на бока и на затылок, с ушами и задником, иногда еще с узким передником в роде козырька; малахай. // *Треух* вообще мужская шапка, но на севере и на Дону его носят и женщины покроем поменьше; иногда лопасти подвязываются на макушке; малахай, ушанка (с. 433).

III. Словарь Даля необходим при исследованиях лексического состава общей разговорной речи данного периода и литературного просторечия. Лексический материал живой разговорной речи, представленный в словаре, при сопоставлении с аналогичным материалом памятников второй половины XVIII в. дает основания для суждения о тенденциях и процессах развития по фиксируемому словарем их разрешению. Так, тенденция деривационного многообразия разговорной речи в кругу имен существительных — названий лиц мужского и общего рода, воспринятая литературным просторечием (см. образования с аффиксами *-ай*, *-яй*, *-тай*, *-ак*, *-як*, *-чак*, *-аль*, *-ач*, *-ей*, *-ень*, *-уй*, *-ун*, *-юн*, *-ыш*, *-арь*, *-ырь*, *-ик*, *-ник*, *-чик*, *-щик*, *-ило*, *-ко*, *-ага*, *-яга*, *-ыга*, *-ала*, *-оха*, *-уша* и др.), подтверждается значительно более обширными рядами таких имен, фиксируемых словарем. Широкая словообразовательная вариантность как тенденция развития и характерная черта разговорной речи XVIII в. демонстрируется в Словаре Даля как сформировавшаяся реальность. См. развернутые вариационные ряды: *скупяга*, *скупень*, *скупердай*, *скупердяга*, *скупендрый*; *лежень*, *лежебок*, *лежняк* и др. Словарь фиксирует в целом ряде слов изменения семантического объема, проявившиеся в сложении предикативно характеризующих значений, в ряде случаев лишь намечавшиеся в XVIII в. См.: *баран* 'смирный, простоватый человек, которым помыкают'; *байбак* 'неповоротливый мешкотный человек, лентяй и соня'; *ворона* 'нерасторопный, вялый человек, разиня, рохля, зевака'; *гоголь*, *гоголек* 'франт, щеголь, волокита'; *ехидна* 'злой, злорадный человек'; *змея* 'злой человек, скрытный и злобный'; *ерш* 'строптивый, сварливый человек'; *карга* 'старуха'; *лиса*, *лисица* 'лукавый, хитрый человек, пролаз, проныра, корыстный лстец'; *осел* 'глупый ленивый человек'; *тетеря* 'тупой, глухой, бестолковый человек'; *хомяк* 'лентяй, вялый, соня и лежебок, неповоротливый' и др. В предшествующий период в целом ряде случаев можно говорить о тенденциях расширения семантического объема, реализующихся в смысловых смещениях и образных употреблении. См. такое употребление в Записках Болотова: «Итак, нечаянное сие объявление произвело во всем

собрании великую тревогу. Ехидна моя (речь идет о приказчике, — Г. К.) побледнела вся от злости со всем своим прибором» (Болотов. Записки).

Все сказанное выше позволяет считать Словарь Даля важнейшим пособием при историко-лексикологических исследованиях русского языка второй половины XVIII в. Дальнейшее изучение печатных памятников XVIII в., равно как и рукописного наследия, несомненно обогатит наши знания в данной области. Но и тогда Словарь Даля останется неизменным помощником всех, занимающихся изучением общей разговорной речи того времени и ее локальных вариаций.